

Речная грамотность¹

Дилип Да Кунья

Линии течения

Линия, отделяющая сушу от воды, необходима для реки. Она присутствует в определении реки как «текущая вода в русле с определенными берегами» [The New Encyclopaedia Britannica, 2007, p. 843]. Определение может быть и более сложным: «естественный поток воды довольно большого размера, текущий по определенному руслу или каналу либо ряду расходящихся или сходящихся каналов» или «большой естественный поток воды, текущий по руслу к морю, озеру или другому, обычно более крупному, потоку того же рода» [Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary, 1989]. Соответственно, изображение становится более сложным, когда на возвышенности находится множество точек, каждая из которых создает пару линий по обе стороны потока, линий, которые сходятся в берегах рядом с основным потоком, а затем снова расходятся, чтобы соединиться с береговой линией. Действительно, без линий реки немислимы, то есть услышать или произнести слово «река» – значит подумать о потоке и увидеть линии. Такие линии, как та, которую греческий философ Гераклит в V веке до н. э. призывал своих читателей пересечь, чтобы понять, что «нельзя дважды войти в одну и ту же реку, ибо другие воды всегда текут к тебе». Не все усвоят урок, который, по мнению Гераклита, должен был преподнести этот опыт, а именно то, что перемены заложены в природе вещей. Некоторые даже не согласятся с тем, что именно такой урок он хотел преподнести, но все «увидят» черту, через которую он просит их переступить, – черту, отделяющую землю от воды.

В разных дисциплинах о реках написано немало. В одном из первых текстов XIX века, посвященных исключительно рекам, они описываются как «физические явления и геологические действующие силы, как элементы живописных пейзажей, как места обитания растительной и животной жизни, как связанные с историей, религией и промышленностью человека» [Powell, 1884, p. vii]. Сегодня продолжает расти количество работ о роли рек как природной среды обитания, производений искусства, фотографии и дизайна, объектов инженерной мысли и поводов для социальной активности. Однако это лишь первая жизнь рек. Вторую жизнь они получают от ученых, которые пишут о них, по словам Ваймана Херендина, как об «одной из самых популярных

Дилип Да Кунья, архитектор и городской планировщик; адъюнкт-профессор, Высшая школа архитектуры, планирования и сохранения, Колумбийский университет (CU), 535 West 116th Street, New York, NY 10027, USA.
E-mail: dilip@mathurdacunha.com

Разделение суши и воды на поверхности Земли является одним из наиболее фундаментальных и долговечных актов в понимании и проектировании человеческого обитания. Линия, при помощи которой это разделение изображается на картах, существует в воображении и используется на местности в виде правил и конструкций, не только пережила столетия, чтобы быть принятой без вопросов, но также стала естественной для береговой линии, побережий и водоразделов. Эти места подвергнуты художественным изображениям, научному исследованию, инженерному строительству и трансформациям ландшафта – с весьма скромным вниманием к самому акту разделения, приведенному их к существованию. Однако сегодня, с увеличивающейся частотой наводнений и повышением уровня моря, приписываемых изменению климата, эта линия, разделяющая сушу и воду, снова оказалась в центре внимания. А вместе с ней – строительство стен, дамб и естественных защитных сооружений, установка водяных насосов, разработка программ вывода земли из использования. Эти рассуждения поднимают вопросы о том, где прочерчена линия, но также – вопросы о самом разделении, которое эту линию обеспечивает. Это разделение может быть найдено в самой природе или природа следует за его утверждением? Представляя реку как результат человеческого намерения, а не природы, автор создает пространство для миров без нее. В частности, он отводит место дождю, для которого присутствие реки сделало столь многое, чтобы обесценить его и отодвинуть на задний план. Однако именно в мире дождя началось проектирование реки с изобретением линии разделения.

Ключевые слова: реки; линия разделения; речные цивилизации; гидрологический цикл; картографирование; момент формирования течения; колонизация дождя; ландшафт; колонизирующий взгляд

Цитирование: Да Кунья Д. (2024) Речная грамотность // Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 67–75. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202467-75>

1. Перевод с английского Дениса Спиридонова по изданию: Da Cunha D. The Invention of Rivers: Alexander's Eye and Ganga's Descent. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018. P. 1–17.

Перевод публикуется с любезного разрешения Дилипа Да Кунья.

метафор жизни, времени и сознания, а также смерти, безвременья и растворения». По его мнению, «река участвует в расширении цивилизации и утверждении социальных искусств над силами природы», становясь «частью нашего культурного сознания» [Herendeen, 1986, p. 3, 9].

Однако при всем понимании и использовании рек мало кто говорит о необходимости линии, которая отмечает их край. Эта линия уникальна тем, что отделяет воду от суши, приковывает воду к месту и калибрует время по ее длине, чтобы можно было оценить поток от истока до места назначения или, по крайней мере, от более раннего течения к более позднему. Что более важно, эта линия определяет уникальную сущность, которую можно назвать, потрогать, представить, спроектировать, но прежде всего поверить в ее существование. В этом смысле она делает для реки то же, что эпидермис для организма, то есть позволяет индивидуализировать тело реки. Как пишет один из растущего числа ученых, занимающихся проблемами рек, «реки существуют как «воплощенные сущности», которые можно увидеть, почувствовать, потрогать и проследить на карте. Их характеристики, различия и видимости, хотя они, несомненно, есть и были, расположены в физическом теле» [Lahiri-Dutt, 2000].

Линия не только разграничивает телесную сущность, но делает это универсально. В истории и повседневной жизни разных народов планеты есть множество свидетельств существования рек, особенно описаний их роли в содействии таким общепринятым этапам развития человечества, как избрание сельского хозяйства, цивилизации, грамотности и города. В своем предисловии к книге Жакеты Хокс «Первые великие цивилизации», описывающей возникновение городов и цивилизаций на трех, казалось бы, независимых друг от друга реках – Тигр-Евфрат, Нил и Инд, – историк Джон Х. Пламб отмечает, что «важно не навязывать описываемым цивилизациям более поздние способы использования техники или наши собственные идеи, которые кажутся похожими». Он благодарит автора за ее эрудицию в этом отношении. «История, – замечает он, – требует не только глубокого интеллектуального понимания социальных отношений и исторического развития, но чувствительного воображения и тонкого сопереживания; в противном случае весь образ жизни этих очаровательных людей был бы искажен» [Plumb, 1973, p. xx]. Ни Пламбу, ни Хоксу, ни тем более археологам и историкам не приходит в голову, что река, которой они приписывают повествование о городах и цивилизациях, вполне может быть продуктом определенной культуры и культурных предрассудков. Таким образом, большинство детей во всем мире сегодня узнают о значительной роли, которую реки сыграли в истории в самых общих чертах. «Источники изобилия и разрушения, жизни и смерти, – пишут Кристоф Маух и Томас Целлер в книге «Реки в истории», – реки всегда оказывали сильное влия-

ние на человечество. Они протекают через все человеческие ландшафты, мифические или реальные» [Mauch, Zeller, 2008].

Линия реки находится не только за пределами культурных различий, но и за пределами человеческой истории. Нил, например, датируется 250 млн лет, а Инд – 45 млн. Геологи даже идентифицируют исчезнувшие реки, некоторые из них относятся к предыдущим геологическим эпохам. Ученые обнаруживают эти реки в «палеоканалах», идентифицируемые по схемам отложений или дренажу рельефа, которые они строят с ориентацией на крупные геологические события в истории Земли, такие как движения континентов, извержения вулканов и землетрясения, разделяющие эпохи длительностью в миллиарды лет. Все это говорит о том, что реки считаются составными частями Земли, а не продуктами человеческой деятельности. Они объявлены природными. Считается, что даже животные видят их такими и живут ими.

Сегодня линия, обозначающая реку, является частью повседневного опыта. Когда историки и археологи говорят о ранних цивилизациях на реках, они ссылаются на эту линию. Когда географы описывают территорию, по которой протекают реки, они проводят эту линию. Когда инженеры разрабатывают насыпи, плотины, запруды, дренажи, отводы и мосты, они работают с этой линией на чертежной доске, где такие вмешательства легче продумать и проверить. Когда градостроители проектируют города на реках, они представляют себе эту линию как берег или речную набережную. Когда экологи говорят о речном бассейне, они видят эту линию, собирающуюся как ветви дерева из нескольких точек и расходящуюся как корни дерева в море, а когда они говорят о прибрежной зоне, они утолщают эту линию, чтобы обозначить границу между сушей и рекой. Когда ученые переводят древние тексты или устную речь, они, как правило, уже настроены на то, чтобы видеть местность, обозначенную линией речных берегов. Когда социальные и экологические активисты, выступая против проектов плотин, говорят о линиях жизни, к которым привязано множество бесправных людей и диких животных, они имеют в виду линию речных берегов. Когда люди видят наводнение, которое становится все более распространенным явлением во всем мире, они считают, что вода преступает эту линию. И когда власти не позволяют людям вторгаться в реки, они тем самым обеспечивают функционирование этой линии.

Течение линий

Однако, несмотря на то что линия разделения является частью нашей повседневности, чтобы назвать реку рекой, требуется очень многое. Конечно, нужно больше, чем полагает натуралист Джон Мьюир. Рассуждая о реке Мерсед в Калифорнии, он пишет, что все, что нужно, – это высокая точка.

Отсюда река «удивительно похожа на вяз, и воображению не требуется особых усилий, чтобы представить ее» [Muir, 1907, p. 102]. Но для этого также необходимо, чтобы рассеялись облака, прекратился дождь, стабилизировался уровень воды и множество других вещей, на создание которых уходили столетия, и они основывались на идеях, верованиях, историях, фактах. Искусство начертания линии – возможно, самая важная из этих вещей. Линия начиналась в точке, не имеющей ни длины, ни ширины; продолжалась штрихом, уже измеримым длиной и шириной; была готова быстро измениться через стирание. Не случайно эти качества нарисованной линии соответствуют трем основным характеристикам реки – истоку, руслу и разливу. Это соответствие сделало реку одной из самых знакомых вещей на Земле, несмотря на то что ее никогда нельзя увидеть полностью. Даже с воздуха, вопреки утверждениям Мьюира, нельзя увидеть реку целиком. Она становится обозримой благодаря нарисованной линии.

Действительно, чаще всего нарисованная линия проявляется заметнее, чем поток воды. В конце концов, реки не прекращают свое существование, когда в них нет воды. Принято говорить, что они пересыхают, некоторые периодически, другие в исключительных случаях. Что остается всегда, так это пространство между линиями, которое продолжает восприниматься как река или русло, которое предполагает, что именно линия, а не вода важна для рек. Она «течет» даже тогда, когда вода перестает.

Нарисованная линия также бросается в глаза во время наводнений, которые представляют собой не что иное, как пересечение водой линии, объявленной людьми границей реки. Однако гидрологи определяют наводнение как «природное, временное затопление обычно сухой земли» [Schultz, Leitch, 2003, p. 300]. А детей учат в учебниках, что наводнение как природное явление сыграло значительную роль в землеустроительных работах, повышении плодородия почвы в истории цивилизаций и обеспечении необходимой среды в жизненных циклах целого ряда видов и экосистем. Сегодня, когда наводнения приводят к трагическим последствиям, часто можно услышать, как люди проблематизируют природу разделительной линии, ее прочность, положение, управление и нарушение, но не задаются вопросом о ее необходимости для реки и оценке прилегающей к ней пойменной территории. Но дело в том, что экология, история, политика, дизайн и все более популярные программы оценки рисков и борьбы со стихийными бедствиями настолько связаны с наводнениями, насколько с самими реками, будь то аналитика, описания, проекты или экспертизы.

Начертанная линия также более заметна, чем течение воды при попытке определения истока реки. Несмотря на понимание того, что реки питаются дождями, которые выпадают повсюду, что реки возникают благодаря таянию снега и льда, расположенных на сотнях квадратных миль, исток реки по-прежнему определяется точкой, где два самых длинных ее берега встречаются². Это определение истока породило множество экспедиций по всему миру в поисках так называемого «самого длинного истока» реки. Многие ученые, однако, отказываются от этого физического объекта в пользу культурно предпочитаемой точки, такой как родник, озеро или верховья ручья, но тем не менее эта точка является началом нарисованной линии. Так, в многочисленных научных трактатах и школьных учебниках говорится, что Ганг берет начало в Ганготри, Тибр – в источнике на горе Фумайоло, а Миссисипи – в истоке озера Айтаска. Точка в начале линии кажется неизбежной даже для гидрологов, которые представляют реки, начинающиеся с выпадения осадков в речном бассейне. Они просто видят множество точек начала линий, которые по мере продвижения наверх продолжают делиться, чтобы в конечном итоге охватить всю поверхность в пределах водосбора.

Увидеть и почувствовать реку – целое искусство. Оно предполагает проведение границы между сухой и водой на земной поверхности. А также выбор момента, когда вода не испаряется и выпадает в виде осадков, не насыщает воздух, почву и растительность, не скапливается в расщелинах, порах, террасах и водоносных слоях или ускользает от определения любым другим способом. Те, кто знаком с гидрологическим или водным циклом, изборающим длительное пребывание воды в твердом, жидком и газообразном состояниях, поймут, что этот момент – один из многих в процессе циркуляции воды. Дети в школах изучают его как один из четырех значимых моментов: выпадение осадков, образование течений на поверхности Земли, испарение, формирование облаков. Мир, кажется, сосредоточился во втором моменте, сделав его временем реальности, когда земная поверхность может быть увидена и артикулирована с некоторой ясностью, карты нарисованы, собственность разграничена, инфраструктура спроектирована, прошлое описано, настоящее пережито, а будущее спрогнозировано. Если говорить более серьезно, то во время этого второго момента на земной поверхности могут появиться и уже появились определенные «вещественности» воды, которые получили статус природных сущностей, играющих важную роль агентов изменений в повседневной жизни. Река – самая заметная из таких вещей. Она немыслима без линии, которая обладает способностью отделять воду от суши, направлять ее в нужное рус-

2. Сесил Роулинг, исследователь Тибета начала XX века, определяет исток как точку в начале «самого длинного видимого ответвления речной системы, а если есть два рукава одинаковой длины, то следует выбрать тот, который несет больше всего воды во время самого сильного паводка» [Rawling, 1909].

ло и преобразовывать в течение. Проведение этой линии требует четкого определения места воды. Именно поэтому геодезисты, которым поручено составлять карты земной поверхности, стараются не работать в дождь. Дело не только в неудобствах, которые доставляет дождь, но и в том, что дождь размывает разделения, которые они хотят увидеть. Но даже во время отсутствия осадков им приходится упрощать то, что они видят, или, по крайней мере, избирательно подходить к тому, где они видят воду, учитывая ее безграничную природу и тенденцию быть везде в той или иной степени. Однако важно то, что привязка к моменту формирования течения, то есть превращение этого момента во время реальности, сделала воду в другие моменты гидрологического цикла эфемерной, так что дождь, туман, снег, влажность воспринимаются как временные посетители, в то время как реки получают статус постоянных жителей.

Нанесение линии разделения на земную поверхность также требует особой материальной оценки, которая представляет воду как субстанцию, отделенную от суши, так что, когда мы говорим о воде, когда мы чувствуем, думаем и представляем воду, мы признаем землю, от которой она отделена. Это означает, что линия не просто разделяет поверхность на сушу и воду, она приводит сушу и воду в бытие из вездесущей и разнообразной влажности, располагая их по разные стороны линии, которая, в свою очередь, объединяет их в различии. Однако вода занимает слабое положение в этом различии, она позиционируется как служащая земле. Реки, «течения воды», широко известны тем, что они осушают землю и обеспечивают ее транспортными коридорами, энергией, водоснабжением, маршрутами утилизации отходов и, как сегодня популярно, речными берегами для строительства и использования недвижимости. Таким образом, если сегодня реки загрязняются, эксплуатируются и находятся под угрозой исчезновения, то это происходит не только потому, что они подвергаются разрушительному воздействию; это происходит потому, что в материальном понимании воды заложено доминирование земли.

Колонизация дожда

Как результаты акта разделения, которому способствует начерченная линия в выбранном моменте воды, реки являются особыми продуктами человеческого творения. Им по праву приписывают генерирование огромных богатств, стимулирование выдающихся инженерных достижений, поддержку обширных и плодородных аллювиальных равнин, создание благоприятных условий для экологии прибрежных районов и достижение выдающихся результатов в развитии человечества, включая город и цивилизацию. Но они хорошо работают не везде и не всегда, особенно в таких местах, где идут муссонные дожди, как в Индии, например. Здесь реки

сильно разливаются, пересыхают, ужасно загрязняются и все чаще становятся предметом споров. Как правило, эти вопросы рассматриваются как проблемы, требующие решения. И для их решения принимаются значительные усилия, включая строительство набережных, соединение рек, возведение больших плотин и составление грандиозных проектов. Но можно ли решить эти проблемы или они являются следствием того, что реки навязываются местам, которые отказываются подчиняться разделению суши и воды и выбранному моменту, которого требуют реки, местам, где можно сделать другой выбор?

В Индии таким моментом выбора, пожалуй, является дождь или, шире, атмосферные осадки. В гидрологическом цикле он предшествует моменту течения рек, когда суша неотделима от воды. Вместо суши и воды здесь царит вездесущая влажность разной степени. Эта влага не струится, как реки; вместо этого она удерживается в течение разного времени – от секунд и минут до веков и эпох – в почвах, водоносных слоях, ледниках, снежных полях, резервуарах, строительных материалах, сельскохозяйственных полях, воздухе и даже растениях и животных, которые оживают и расцветают на время муссона. Вода пропитывает и насыщает, прежде чем наполниться и вылиться через край, чтобы снова оказаться в наших руках. Это не вода, стекающая в море; это скорее дождь, движущийся сложными, растекающимися путями. Это не вода, источник которой находится на возвышенности; это скорее дождь, источник которого находится в облаках. Дело в том, что в Индии и во всем муссонном поясе момент дождя долгое время был выбором не только из-за использования дождевого земледелия, а не речного орошения, или сбора дождевой воды, а не использования водопровода; он также был выбором в мифах и историях, фестивалях и повседневных практиках. Слово, которое отражает выбор этого момента в Индии, – Ганга. Почитаемая как богиня, она каждый год приходит с муссонами, чтобы обозначить событие, известное как «сошествие Ганги».

Однако на протяжении веков было сделано много, чтобы вытеснить сошествие Ганги в область религиозных мифов и видеть в Ганге именно реку. И многое было сделано, особенно за последние пару столетий, чтобы принизить момент дождя как непредсказуемый, неопределенный и неравномерно распределенный. Бывшие британские правители Индии предприняли целенаправленные усилия, чтобы превратить Индию в страну, достойную своих великих рек, с помощью целого ряда предприятий, задуманных, понятых и осуществленных в формации момента течения. Среди них – Великое тригонометрическое исследование, которое позволило с беспрецедентной точностью определить на картах водораздел между сушей и водой и расположение рек. Это и многочисленные инженерные подвиги, которые позволили привести реки с помощью труб

и каналов в засушливые районы, соединить реки через их водоразделы, контролировать течение рек с помощью насыпей, заграждений, каналов и дренажей. Наряду с этими усилиями колонизаторы также использовали выбранный момент рек в образовании, управлении, переводах древних текстов, а также в повседневной практике и разговорах. Они стремились к тому, чтобы не оставалось сомнений в том, что имя Ганга, по крайней мере в делах государства, обозначало реку, а не дождь. Венцом их деятельности стало описание того, как менялись индийские поселения, начиная с великих речных цивилизаций прошлого.

Однако британцы в Индии подняли значение реки на новый уровень. Понимание реки формируется на субконтиненте за тысячелетия до этого, в соответствии с устройством и целью, которые ей придали досократики из Милетской школы в Малой Азии. Эти ученые мужи во главе с Фалесом, которого Аристотель назвал первым натурфилософом, задались вопросом «Почему разливается Нил?». Подобный вопрос можно задать только после обозначения границ того, что предположительно является рекой. Этим людям также приписывают изобретение карты мира, на которой они изобразили земную поверхность сверху, где суша и вода были разделены с помощью геометрической линии. Такое представление попало в Индию благодаря Александру III Македонскому, известному большинству людей как Александр Великий. Он вместе с сопровождавшими его землемерами стремился ограничить воду каналами на земной поверхности, дать им названия и нанести их на свою карту мира. Он даже упомянул реку Ганг, которую не видел, но представлял себе как самую большую и самую богатую реку на земле. Однако, не дойдя до нее, он вынужден был повернуть назад, потому что, как говорят, его люди устали и затосковали по дому. Скорее всего, они сочли, что ограничить дождь линиями в мире муссонов – сверхчеловеческая задача, недоступная даже Александру, которого они почитали как полубога.

Однако за то короткое время, которое Александр провел в Индии, ему удалось посеять веру в то, что вода может быть ограничена линиями на поверхности земли. И сегодня, более двух тысячелетий спустя, дискурс в Индии о способах обитания человека определенно связан с реками, которые перешли от влажной земли к поверхности разделения земли и воды, от задерживающего и пропитывающего дождя к текущей воде, от полевого мира, где идентичности проникают друг в друга, к линейному миру, где идентичности имеют четкие и ясные границы. Однако на земле момент дождя сохраняется. Он действует за кулисами или в параллельной вселенной и может объяснить, почему так много повседневной жизни в Индии и муссонном поясе не соответствует линейности и сдержанности рек, из-за чего места кажутся хаотичными, неразвитыми и неформальными. Реки здесь оказы-

ваются не просто продуктом акта разделения; они также являются средством колонизации дождя, то есть вступления во владение местом, образованным по выбору в другой момент гидрологического цикла. Этот проект еще далек от завершения. Он продолжает реализовываться по двум направлениям: уточнение идеи реки и формулирование почвы-ландшафта для ее приема.

Первый фронт реализации – уточнение идеи реки – осуществляется с помощью все более сложного картографирования ее формы и знаний о ее характеристиках, особенностях, истории, экологии, культуре, гидрологии и гидравлике. Это стремление породило ряд фундаментальных вопросов, уходящих корнями в далекое прошлое: откуда берутся реки, откуда берется вода в их источниках, почему они разливаются, как они представлены и используются различными культурами, какова их роль в формировании Земли и т. д. Эти вопросы собираются вокруг трех основных составляющих реки – истока, русла и разлива, – проясняя их, а через них и идею реки. Они приводят к возникновению таких мощных и загадочных идей, как гидрологический цикл, рай и потоп. Эти идеи развивались по разным траекториям, внося значительный вклад не только в идею реки, но и в идеи, которые сыграли важную роль в укреплении реки на земле и в воображении, – берега реки, круговорота воды, горы, речных долин, водораздела, поселения и города.

Однако универсальность идеи реки возникает благодаря тому, что ее основные элементы и производные нашли свое отражение в местных мифах и историях в таких местах, как Индия, способствуя не только имплементации идеи реки вообще, но и конструированию реки Ганг в частности. Ряд имен, таких как Синдху, Кайлас, Каши, Сундарбан, Гималаи, Бхагиратхи и Варанаси, которые могли быть прочитаны через момент дождя, были апропрированы и стали пониматься в категориях реки.

Второй фронт реализации – артикуляция земли для приема реки – подразумевает не что иное, как упорядочивание земной поверхности с учетом возможности отделить сушу от воды с помощью линии. Как отмечалось ранее, этот акт не просто дает земле и воде отдельное пространство на земной поверхности; он приводит их в бытие в качестве элементов ландшафта, отличающихся друг от друга. В ландшафтном дискурсе такому взгляду уделяется не слишком много внимания. В основном он воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Раскрывая его работу, этот текст доказывает, что ландшафт имеет более фундаментальную отправную точку в акте разделения. На разделенной поверхности, которую этот акт создает, возникают другие элементы, такие как реки, элементы, которые нельзя считать универсальными. Британские правители Индии обнаружили это. Им пришлось обучать своих подданных видеть и ценить линию разделения с помощью географии. Это образование, потребность в котором сохраняется и сегодня, заставляет заду-

маться о том, должна ли Индия, чтобы быть постколониальной, рассматривать возможности, выходящие за рамки не только колониальной власти и ее наследия, но и линии разделения и элементов ландшафта, которые продолжают преследовать ее. Однако для этого необходимо расширить границы ландшафтного дискурса.

Значение понятия «ландшафт» вызывает множество споров среди географов, антропологов и ландшафтных архитекторов. Согласно Оксфордскому словарю английского языка, это слово впервые было использовано в английском языке для обозначения картины, изображающей местность, развернутую скорее вглубь суши, а не на море, затем оно стало использоваться для обозначения самой местности, «взятой с одной точки зрения», и в конечном итоге для обозначения земли: «участка земли с его отличительными характеристиками и особенностями». Тот же смысл обнаружили теоретики ландшафта в таких словах различных европейских языков, как *landskip*, *landschap*, *paysage*, *landskab* и *landschaft* [Corner, 1998; Girot, 2013; Spirn, 1998]. Однако независимо от того, что представляет собой пейзаж – картину, сцену или участок земли, – то, как его видят, должно играть важную роль в том, что он собой представляет, пишет географ Дональд Мейниг, поскольку пейзаж «состоит не только из того, что находится перед нашими глазами, но и из того, что находится в наших головах». Он рассматривает десять возможных способов, с помощью которых то, что он называет созерцающим глазом, «создает смысл из того, что мы видим»: природу, среду обитания, артефакт, систему, проблему, богатство, идеологию, историю, место и эстетику. Эти «организующие идеи», по его словам, не исчерпывают возможности глаза; они лишь служат для демонстрации множества возможных «сущностей ландшафта» [Meinig, 1979].

Другие исследователи дополнили список организующих идей Мейнига. Для географов Дениса Косгроува и Стивена Дэниела созерцающий глаз организует «культурный образ, живописный способ представления, структурирования или символизации окружения» [Cosgrove, Stephen, 1988]. Для ландшафтного писателя Дж. Б. Джексона – это «композиция рукотворных или измененных человеком пространств, служащих инфраструктурой или фоном для нашего коллективного существования» [Jackson, 1984]. Для теоретика и историка ландшафта Джона Диксона Ханта этот взгляд выделяет три вида ландшафта – дикую природу, или первую природу, инфраструктуру, или вторую природу, и сад³, или третью природу [Hunt, 2000]. По мнению антрополога Тима Ингольда, этот глаз видит «не “землю”, не “природу” и не “пространство”», а «мир, каким его знают те, кто в нем живет, кто населяет его места и путешествует по соединяющим их тропам» [Ingold,

2000]. А для ландшафтного архитектора Иэна Макхарга созерцающий глаз отличает природные элементы от культурных. Макхарг приучил поколение ландшафтных архитекторов «проектировать с природой», призывая преподавателей и практиков ландшафтной архитектуры хотя бы проводить различие между природными и культурными составляющими участка, под которым понимается все что угодно – от участка дома до города-региона и поверхности планеты [McHarg, 1971].

Многочисленные возможности созерцающего глаза, однако, связаны с предпосылкой, что «элементы» пейзажа заданы. «С ними, – говорит Мейниг, – легко согласиться; нам нужно беспокоиться только о тех идеях, с помощью которых мы соединяем их вместе» [Meinig, 1979]. Другими словами, есть вещи, существование которых не подлежит сомнению. Можно оценивать или подвергать сомнению их сущность – их культурный образ, представление о них жителя, их использование «в качестве инфраструктуры или фона нашего коллективного существования», их природный или культурный статус – но их существование не подлежит сомнению. В качестве элементов ландшафта Мейниг упоминает дома, дороги, деревья и холмы. Однако есть еще реки, озера и моря и, что более важно, земля и вода. Они, несомненно, являются одними из самых фундаментальных элементов ландшафта, оцениваемых созерцающим глазом всеми различными способами, какие только возможны в сознании.

Но можно ли считать элементы ландшафта само собой разумеющимися? Ведь для того, чтобы появились земля и вода, требуется акт разделения и выбор момента в гидрологическом цикле. И это только начало. За их созданием следует артикуляция других вещей. Редьярд Киплинг рассуждает об этом в своем романе «Ким». Полковник Крейтон говорит мальчику Киму, которого он готовит к профессии геодезиста: «Ты должен научиться видеть дороги, и горы, и реки и хранить эти рисунки в своей памяти, пока не наступит удобное время перенести их на бумагу. Быть может, однажды, когда ты будешь землемером и мы будем работать вместе, я скажу тебе: “Проберись за те горы и посмотри, что лежит за ними”» [Киплинг, 1990, с. 136]. Большинство детей в школах Индии того времени не готовили к работе геодезистами, но, как и Кима, их учили выделять дороги, горы и реки. Их обучение было вызвано глубокой обеспокоенностью колонистов в начале 1805 года тем, что «туземцы» не знают своей страны и их нужно учить этому с помощью географии. Согласно предисловию к учебнику 1843 года, разработанному для этой цели, «в Индостане... наукой географии сильно пренебрегали. Солнечные равнины, благородные реки, почтенные города и разнообразные продукты этой страны в основном неизвестны ее жителям. Несмотря на то что люди проживают

3. Хант опирается на разграничение Цицероном первой и второй природы и заимствует термин «третья природа» у Бартоломео Таэджио и Якопо Бонфадии, которые ввели его в XV веке, чтобы обозначить сад как созданный артефакт.

в этой стране на протяжении нескольких тысячелетий, большая ее часть до сих пор остается неисследованной». Туземные писатели, продолжает автор, описывают воображаемые континенты, моря и острова, но «молчат обо всем, что хотел бы знать уроженец Индии». Однако эта «темнота» проходит, и «нынешнее поколение, по крайней мере его молодая часть, улучшит возможности, которые сейчас имеются в их распоряжении, для знакомства с этой важной наукой» [American Ceylon Mission, 1843]. С этой целью в 1820-х годах были изданы учебники по географии не только на английском, но и на ряде местных языков [Roy, 1986]. В начале учебника дается определение географии как «науки, которая описывает поверхность земного шара; различные деления этой поверхности, как естественные, так и искусственные; жителей Земли и разнообразие их производств; вместе с различными линиями, реальными или воображаемыми, которые проводятся на ней». За этим определением следует идентификация первой линии. Она разделяет сушу и воду. «Суша и вода, – говорится в учебнике, – являются составными частями поверхности Земли» [Nicholls, 1838].

Тогда ученики учились не просто располагать взгляд над поверхностью Земли; они учились проводить линию между сушей и водой, которая, как они полагали, образует континенты и острова, окруженные водой. В дальнейшем они учились формулировать сухопутную составляющую этого разделения с помощью различных вещей, одной из которых была река. Им говорили, что это «длинное узкое русло пресной воды, поднимающееся среди гор или вытекающее из озера и впадающее в море» [Nicholls, 1838]. Она образует «дренажную систему», «которая служит для отвода воды с суши в море»⁴. Были и другие элементы или «виды использования земли», которые оказывались во внимании ученика: леса, луга, города, сельскохозяйственные поля и т. д.

Короче говоря, география учила туземца видеть необычным взглядом, который подразумевал особую точку зрения вне опыта и особого времени вне опыта, когда четкость разделения, которое он искал на поверхности земли, не была нарушена бурями, облаками и дождем. То, что видел туземец, было ландшафтом, который скорее предшествовал, чем соответствовал созерцающему взгляду Мейнига, ландшафтом, который неизбежно оттесняет на второй план момент осадков и неразделенный мир влажности, которые люди могли бы выбрать для проживания.

Ряд постколониальных ученых критикуют колониализм за навязанные им системы знаний, осуществляемый контроль, созданные институты и струк-

турированную им идентичность туземцев и правителей. Их возглавляет Эдвард Саид, который, возможно, не фокусировал свое внимание на Индии и индийских исследованиях, но видел бывшие европейские колонии связанными ориентализмом, «систему репрезентаций, сформированную теми силами, которые ввели Восток в западную науку, в западное сознание, а затем в западную империю» [Саид, 2021, с. 311]. Эта система конструировала колонизированных, а также колонистов и, как следствие, их ландшафты и созерцающий глаз. Мэтью Эдней среди прочих опирается на это возникшее условие, используя идею империи для осмысления ландшафта Индии. Он видит, что британцы использовали Великое тригонометрическое исследование, чтобы структурировать рациональное и единообразное пространство в «соответствии с их собственными представлениями о территориальном порядке». Они оправдывали это дисциплинирование пространства своим «культурным превосходством» и необходимостью исправить «иррациональную», по их мнению, концепцию пространства среди местных жителей, которая поощряла мистицизм, деспотизм и неточность. Индийцы сопротивлялись «географическому паноптикуму» геодезистов и его архивам, говорит Эдней, но тем не менее «были втянуты в его ландшафт, который сохраняется и по сей день» [Edney, 2001, р. 24, 334].

Тем не менее требуется нечто большее, чем просто рефлексивность наблюдающего взгляда, даже если он пронизан критикой ориенталистских и империалистических императивов, чтобы преодолеть ограниченность таких элементов, как реки, холмы, деревья, дома, горы, земля и вода. Требуется осознание *колонизирующего взгляда*. К.С. Льюис в романе «За пределы безмолвной планеты», первом из своей космической трилогии, рассказывает нам о том, что видит этот глаз, на примере события приключения Рэнсома на планету Малакандра. «Он видел только переливы цвета, которые никак не складывались в пейзаж. Для того, чтобы увидеть что-либо отчетливо, нужно иметь о нем хотя бы минимальное представление» [Льюис, 2003, с. 50]. Колонирующий глаз формирует вещи из цветовой материи, превращая в ландшафт до того, как они попадут в поле зрения наблюдающего. Короче говоря, колонирующий глаз формирует ландшафт из того, что он считает *terra nullius* – землей, не принадлежащей никому.

Термин *terra nullius* известен как юридическое понятие. Он использовался европейскими странами во время колонизации Австралии и Африки, а также при продвижении на запад Северной Америки. Считалось, что люди, жившие в этих местах, были дика-

4. Эта точка зрения продолжает преподаваться и сегодня. В популярном учебнике, предназначенном для студентов и тех, кто готовится к сдаче экзамена для поступления на государственную службу, реки рассматриваются в главе «Дренаж». Производительность рек, пишет автор, можно оценить, изучая их бассейны как «естественные единицы земли». Их «можно рассматривать как рабочие системы», в которые входят «климатологические переменные, такие как температура и количество осадков», а выходят такие, как «речной сток» [Hussain, 2008].

рями или кочевниками, у которых не было понятия о владении землей. В таком качестве эта концепция просуществовала до 1973 года, когда Международный суд ООН объявил ее необоснованной и признал народы этих мест первыми жителями. *Terra nullius*, однако, означает гораздо больше, чем ничейная земля. Она означает землю, открытую для того, чтобы быть сформированной. Карты сыграли здесь важную роль, но не в их часто критикуемой имперской способности навязывать новую систему знаний невольным субъектам, не в их структурной или рациональной способности предшествовать территории, а в их способности превращать то, что считается *terra nullius*, в ландшафт, где суша отделена от воды, а вещи, видимые при взгляде сверху, поименованы. Нельзя просто предположить, что туземцы видят то же самое, что и колонисты. Чтобы видеть так, им нужно было развить зрение.

Terra nullius не является привычным понятием для Индии. Но здесь, возможно, нужно обратиться к Александру, чтобы увидеть введение ландшафта на индийском субконтиненте и зарождение колониализующего взгляда. Этот ландшафт будет глубоко запечатлен на картах, в словах, инфраструктурах и путевых заметках к тому времени, когда Васко да Гама обогнет мыс Доброй Надежды и вслед за ним последуют различные европейские Ост-Индские компании. Вооружившись рекой, которая к тому времени считалась природным элементом земной поверхности и скорее необходимостью, чем выбором, колонизаторы ускорили преобразование всего муссонного пояса от момента дождей до момента рек всеми возможными средствами – торговлей, войной, наукой, картами, религией, исследованиями, образованием. Их усилия были таковы, что сегодня, спустя десятилетия после обретения независимости, страны этого пояса, оснащенные неподходящей речной инфраструктурой, пропитанные речным воображением и колониализующим глазом, которым со всей строгостью учат в школах, борются за «развитие» чаще всего с помощью своих бывших колониальных хозяев и вопреки моменту дождя.

Источники

- Киплинг Р. (1990) Ким. М.: Высшая школа.
- Льюис К.С. (2003) За пределы безмолвной планеты. Переландра. Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М.: Фонд имени о. Александра меня; СПб.: Библия для всех.
- Саид Э. (2021) Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж».
- American Ceylon Mission (1843) *Geography of Hindustan*. Jaffna, Sri Lanka: American Mission Press.
- Corner J. (1998) *Operational Eidetics: Forging New Landscapes*//Harvard Design Magazine. No. 6. P. 22-26.
- Cosgrove D., Stephen D.S. (1988) *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Edney M. (2001) *Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India*. Chicago: University of Chicago Press.
- Girot C. (2013) *Immanent Landscape*//Harvard Design Magazine. Vol. 36. P. 6-16.
- Herendeen W.H. (1986) *From Landscape to Literature: The River and the Myth of Geography*. Pittsburgh: Duquesne University Press.
- Hunt J.D. (2000) *Greater Perfections: The Practice of Garden Theory*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Hussain M. (2008) *Geography of India*. New Delhi: Tara McGraw Hill Education.
- Ingold T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. N.Y.: Routledge. P. 190-193.
- Jackson J.B. (1984) *Discovering the Vernacular Landscape*. New Haven: Yale University Press.
- Lahiri-Dutt K. (2000) *Imagining Rivers*//Economic and Political Weekly. Vol. 35. No. 27.
- Mauch C., Zeller T. (2008) *Rivers in History and History: An Introduction*//Rivers in History: Perspectives on Waterways in Europe and North America/ C. Mauch, T. Zeller (eds.). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- McHarg I. (1971) *Design with Nature*. Garden City, NY: Doubleday.
- Meinig D.W. (1979) *The Beholding Eye*//The Interpretation of Ordinary Landscapes/D.W. Meinig (ed.). New York: Oxford University Press. P. 33-48.
- Muir J. (1907) *The Mountains of California*. N.Y.: New York Century.
- Nicholls G. (1838) *A Grammar of Geography Adapted to the Education of Indian Youth*. Calcutta: Calcutta School Book Society.
- Plumb J.H. (1973) *Introduction*//The First Great Civilizations: Life in Mesopotamia, The Indus valley and Egypt, by Jacquetta Hawkes. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- Powell W.J. (1884) *From Source to Sea; Or Gleanings About Rivers in Many Fields*. L.: Charles Griffin.
- Rawling C. et al. (1909) *Discoveries in Southern Tibet: Discussion*//Geographical Journal. Vol. 33. No. 4.
- Roy R.D. (1986) *The Great Trigonometrical Survey of India in a Historical Perspective*//Indian Journal of History of Science. Vol. 21. No. 1. P. 22-32.
- Schultz S., Leitch J.A., (2003) *Floods and Flooding*//Encyclopedia of Water Science/B.A. Stewart, T.A. Howell (eds.). N.Y.: Marcel Dekker. Vol. 1.
- Spirn A.W., (1998) *The Language of Landscape*. New Haven: Yale University Press.
- The New Encyclopedia Britannica (2007). Vol. 26. P. 843.
- Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (1989). N.Y.: Portland House.

RIVER LITERACY

Dilip Da Cunha, architect and urban planner; Adjunct professor, Graduate School of Architecture, Planning and Preservation, Columbia University (CU), 535 West 116th Street, New York, NY 10027, USA.
E-mail: dilip@mathurdacunha.com

Separating land from water on the Earth's surface is one of the most fundamental and enduring acts in the understanding and design of human habitation. The line with which this separation is imaged on maps, etched in the imagination, and enforced on the ground with regulations and constructions has not only survived centuries of rains and storms to become a taken-for-granted presence; it has also been naturalized in the coastline, the riverbank, and the water's edge. These are places subjected to artistic representations, scientific inquiry, infrastructural engineering, and landscape design with little attention to the act of separation that brought them into being. Today, however, with the increasing frequency of flood and, not unrelatedly, sea-level rise attributed to climate change, the line separating land and water has come into sharp focus with proposals for walls, levees, natural defenses, pumps, land retirement schemes, and recommendations for retreat. These responses raise questions on where the line is drawn, but they also raise questions on the separation that this line facilitates. Is this separation found in nature or does nature follow from its assertion? By presenting the river as a product of human intention rather than nature, the author makes room for worlds without it. In particular, they make room for rain, which the presence of the river has done much to malign and marginalize. It is, however, in a world of rain that the design of the river was initiated with the invention of the line of separation.

Keywords: rivers; line of separation; river civilisations; hydrologic cycle; mapping; moment of flow formation; colonizing rain; landscape; colonizing eye

Citation: Da Cunha D. (2024) River Literacy. *Urban Studies and Practices*, Vol. 9, no 2, pp. 67–75. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp92202467-75> (in Russian)

References

American Ceylon Mission (1843)
Geography of Hindustan. Jaffna, Sri Lanka: American Mission Press.

- Corner J. (1998) Operational Eidetics: Forging New Landscapes. *Harvard Design Magazine*, no 6, pp. 22–26.
- Cosgrove D., Stephen D.S. (1988) The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Edney M. (2001) Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India. Chicago: University of Chicago Press.
- Girot C. (2013) Immanent Landscape. *Harvard Design Magazine*, vol. 36, pp. 6–16.
- Herendeen W.H. (1986) From Landscape to Literature: The River and the Myth of Geography. Pittsburgh: Duquesne University Press.
- Hunt J.D. (2000) Greater Perfections: The Practice of Garden Theory. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Hussain M. (2008) Geography of India. New Delhi: Tara McGraw Hill Education.
- Ingold T. (2000) The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. N.Y.: Routledge, pp. 190–193.
- Jackson J.B. (1984) Discovering the Vernacular Landscape. New Haven: Yale University Press.
- Kipling R. (1990) Kim [Kim]. Moscow: Vysshaya shkola [Higher School].
- Lahiri-Dutt K. (2000) Imagining Rivers. *Economic and Political Weekly*, vol. 35, no 27.
- Lewis C.S. (2003) Za predely bezmolvnogo planety. Perelandra. *Sobr. soch. v 8 t. T. 3 [Out of the Silent Planet. Perelandra. Collected Works in 8 Vol. Vol. 3]*. Moscow: Fond imeni o. Aleksandra Menya [Alexander Men Foundation]; St. Petersburg: Bibliya dlya vseh [Bible for Everyone].
- Mauch C., Zeller T. (2008) Rivers in History and Historiography; An Introduction. *Rivers in History: Perspectives on Waterways in Europe and North America*/ C. Mauch, T. Zeller (eds.). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- McHarg I. (1971) Design with Nature. Garden City, NY: Doubleday.
- Meinig D.W. (1979) The Beholding Eye. *The Interpretation of Ordinary Landscapes*/D.W. Meinig (ed.). New York: Oxford University Press, pp. 33–48.
- Muir J. (1907) The Mountains of California. N.Y.: New York Century.
- Nicholls G. (1838) A Grammar of Geography Adapted to the Education of Indian Youth. Calcutta: Calcutta School Book Society.
- Plumb J.H. (1973) Introduction. *The First Great Civilizations: Life in Mesopotamia, The Indus valley and Egypt*, by Jacquetta Hawkes. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- Powell W.J. (1884) From Source to Sea; Or Gleanings About Rivers in Many Fields. L.: Charles Griffin.
- Rawling C. et al. (1909) Discoveries in Southern Tibet: Discussion. *Geographical Journal*, vol. 33, no 4.
- Roy R.D. (1986) The Great Trigonometrical Survey of India in a Historical Perspective//Indian Journal of History of Science, vol. 21, no 1, pp. 22–32.
- Said E. (2021) Orientalizm [Orientalism]. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva Garage [Garage Museum of Contemporary Art].
- Schultz S., Leitch J.A., (2003) Floods and Flooding. *Encyclopedia of Water Science*/B.A. Stewart, T.A. Howell (eds.). N.Y.: Marcel Dekker, vol. 1.
- Spirn A.W., (1998) The Language of Landscape. New Haven: Yale University Press.
- The New Encyclopedia Britannica (2007), vol. 26, p. 843.
- Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (1989). N.Y.: Portland House.